

ДАТЫ

**МОСКОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ В ДНИ ВОЙНЫ
(ЭВАКУАЦИЯ 1941—1943 гг.)****И.С. Кулаев***(кафедра молекулярной биологии)*

Октябрь 1941 г. был сырым и холодным. Москва смотрела на редких прохожих бумажными крестами замаскированных окон. В продовольственных магазинах пусто, все полки заставлены консервными банками с крабами (в то время в стране крабов почти не ели). Немецкие войска полукругом стояли вокруг Москвы, в некоторых местах приблизившись к ней на 20—30 км.

Студенты Московского университета были мобилизованы копать окопы на ближних подступах к Москве. Запомнилась песня того времени, которую распевал мой брат-студент:

Стой под скатами, рой лопатами,
Нам работа дружная сродни,
Песню грянуци, мать помянуци,
Трудовую честь не урони.
Пусть в желудке вакуум и в мозолях руки,
Мелкий, мерзкий дождик нас сечет,
Наши зубы точены о гранит науки,
А после гранита — глина нипочём.

Из текста песни понятно, что настроение у студентов, копавших окопы, было бодрое, все твердо знали, что мы победим и весьма скоро. Однако немцы приблизились к Москве совсем близко. Пошли слухи, что на некоторых направлениях дорога на Москву вообще открыта. Началась паника среди населения. Была объявлена всеобщая эвакуация учреждений и населения. Многие начальники рвали партийные билеты и на любом транспорте пытались покинуть Москву. Не избежали паники и многие преподаватели Московского университета. 16 октября, когда немцы особенно близко подошли к Москве, стало известно, что ряд руководящих работников университета срочно покинули город, т.е., попросту говоря, бежали. Было назначено новое руководство МГУ — ректором его стал историк профессор И.С. Галкин, а исполняющим обязанности ректора эвакуируемой (основной) части МГУ был назначен мой отец — профессор биологического факультета Степан Иванович Кулаев. Он же возглавил руководство эвакуацией МГУ в Ашхабад. Небольшая часть студентов и профессуры по той или иной причине осталась в Москве, но основной коллектив уехал в эвакуацию. Сборы были недолгими. Продолжались начавшиеся 22 июля бомбежки основных промышленных и общественно значимых объектов Москвы; именно в октябре одна из фугасных бомб

попала в главное здание МГУ на Моховой, но благодаря слаженной работе пожарных команд, составленных из профессоров и студентов МГУ, удалось быстро потушить пожар и восстановить аудитории для учебного процесса. Наша семья жила, ожидая отъезда в эвакуацию, на папиной кафедре (гистологии и эмбриологии), расположившейся в здании Зоомузея, так как наш дом был поврежден. Меня старший брат, который был членом пожарной команды, возглавляемой профессором-ботаником Даниилом Александровичем Транковским, иногда брал с собой на крышу университета тушить зажигательные бомбы. Падающие на крышу “зажигалки” мы сразу же хватали щипцами и тушили их, помещая в ящики с песком или ведра с водой. Хотя здания университета на Моховой были хорошо замаскированы, все же достаточное количество зажигательных, а иногда и фугасных бомб падало на крыши университетских зданий. Во время налета фашистской авиации все небо над Москвой бороздили лучи мощных прожекторов, выискивающих вражеские бомбардировщики. Когда прожектора обнаруживали вражеский самолет, его сразу же освещали другие прожектора и начиналась пальба наших зенитных орудий, пытавшихся сбить попавшийся немецкий бомбардировщик. Иногда это удавалось. Все это представляло захватывающее зрелище, хотя мне и было достаточно жутковато.

И вот, наконец, 25 октября все было подготовлено к эвакуации, и наш эшелон, который возглавлял мой отец, отошел от московского перрона. Ехали очень медленно. Часто довольно надолго останавливались, передвигались в основном ночью (во всяком случае, первые дни, чтобы не попасть под обстрел немецкой авиации). Условия были ужасные. Например, в том отсеке общего вагона, где ехала наша семья, умещались 13 человек (вместо 6). Посередине купе между 2-й и 3-й полками были сделаны настилы, и на них тоже находились люди. У нас в купе ехали трое детей, кошка, курица и 10 взрослых. Курицу вез с собой зоолог доцент Евтушенко на случай, если прекратится питание. Забавно было наблюдать, как на остановках мадам Евтушенко выгуливала курицу на веревочке. С питанием была довольно драматическая ситуация. На больших железнодорожных станциях, где были буфеты или рестораны, мы с отцом шли с соответствующими бумагами об оказании помощи ученым МГУ,

подписанными одним из членов правительства (кажется, министром высшего образования С.В. Кафтановым), к директору станционного буфета и просили выдать на весь коллектив (несколько сот человек) хлеба, супа, каши или еще чего-нибудь (т.е. того, что было в наличии в данном буфете). Беда в том, что у моего отца не было одной ноги (ампутировали во время гражданской войны), а я был не очень могучим мальчиком 11 лет от роду. Нам обычно давали два рюкзака хлеба и молочный бидон (20 л) с супом, которые мы переправляли через пути по обледелым виадукам и лестницам. Так как у отца была всего одна нога, это создавало довольно большие трудности. Мы иногда не успевали вовремя сесть в поезд и потом много часов догоняли своих. Но в общем кое-как справлялись, и люди голодными, как правило, не оставались. А поезд медленно, но верно шел на восток и 18 ноября прибыл в Ашхабад. Учебные помещения разместили на базе Ашхабадского педагогического института, находившегося на окраине города, а студентов и преподавателей — в двух домах: студентов и часть преподавателей в так называемом “желтом” доме, а профессоров в “белом” доме в отдельных квартирах. Семья моего отца (6 человек) разместилась в одной квартире с семьей декана географического факультета Ивана Дмитриевича Удальцова (в его честь названа одна из улиц на юго-западе Москвы). В нашем же доме жили семьи профессоров Л.И. Курсанова, Л.А. Зенкевича, Б.А. Кудряшова (внедрившего в военную хирургию препарат, останавливающий течение крови из ран), И.Г. Петровского (будущего ректора МГУ), доцента А.Н. Белозерского и многих других. В Ашхабаде в то время (ноябрь 1941 г.) шла тихая полумирная жизнь. Бойко торговал очень красочный рынок, где наша семья обменяла собранную моим братом Борисом большую коллекцию серебряных, еще царских, монет на мыло, хлопковое масло и другие необходимые предметы быта. Туркменки вплетали такие монеты в косы. В первые месяцы можно было обменять что-то на горячие лепешки. Но это скоро кончилось, наступил голод. Нашу семью спасало то, что отец, будучи эмбриологом, сразу по приезде стал заниматься оогенезом черепах. У него на это оставалось только ночное время. Черепахи формируют яйца в яйцеводах. Яйца развиваются внутри черепах, покрываются скорлупой, и черепахи откладывают их в пустыне в горячий песок ($\approx 70^\circ$), где они созревают. Отец изучал условия образования яиц во время внутриутробного созревания и для этого извлекал яйцеводы с яйцами и исследовал их в нативном состоянии. Некоторые отходы шли в пищу. При этом выяснилось, что белки яиц черепах — жителей раскаленных пустынь — на сковороде не свертывались, из них нельзя было приготовить яичницу. Из ножек черепах мама варила знаменитый “черепаховый” суп. Это помогло нам

выжить, особенно в последние месяцы пребывания в Ашхабаде.

Удивительно, но уже через месяц после приезда в Ашхабад в Кишах (окраина города) на базе Пединститута начались занятия в университете, а ученые занялись научной работой. Было организовано несколько экспедиций для сбора биологического материала. Одна из них, в которую входил и мой брат (он ушел на фронт только через полгода после приезда в Ашхабад), во главе с известным ихтиологом профессором Георгием Васильевичем Никольским изучала виды рыб, обитающих в р. Мургаб (юг Туркмении). Эта экспедиция провела очень важную работу по инвентаризации рыбных богатств этой мало изученной реки. Мне посчастливилось участвовать в другой экспедиции, проходившей весной 1942 г. в пустыне Кара-Кум. Ее возглавляли три профессора Московского университета: А.Н. Формозов, изучавший питание сусликов, живущих в большом количестве в пустыне; Д.А. Сабинин, исследовавший дыхание и другие физиологические процессы у растений-суккулентов, могущих расти много месяцев без воды. Третьим руководителем был мой отец — профессор Степан Иванович Кулаев, отлавливающий для своей научной работы черепах. Наша экспедиция имела в своем распоряжении грузовик-полуполторку, которая выполняла много разных функций. Она была местом нашего жилья в пустыне (для изоляции от кишаших в большом количестве в пустыне змей, скорпионов и других тварей), а также для отлавливания сусликов. Суслики в ярком свете фар столбенели, и их легко можно было ловить. И, конечно, эту полуполторку я загружал необходимыми для работы отца черепахами. Самому отцу без одной ноги было невозможно отлавливать черепах, и моя помощь была необходима. Шла война, в конце 1941 — начале 1942 г. был драматический момент в истории нашей страны — немцы наступали почти по всем направлениям, но участники экспедиции несмотря на это работали с большим напряжением и не поддавались унынию. Наоборот, все подбадривали друг друга, шутили, улыбались. Главное, что план экспедиции был выполнен полностью, а я имел счастье познакомиться и пообщаться с выдающимися учеными и чудесными людьми — замечательным зоологом, автором многих научных и популярных книг Александром Николаевичем Формозовым и легендарным борцом с лысенковщиной, блестящим физиологом растений Дмитрием Анатольевичем Сабининым. Это были люди высочайшей человеческой пробы, к ним, безусловно, относился и мой отец — человек огромного мужества, доброты и обаяния.

Наступило лето 1942 г. — в городе стало невыносимо жарко, температура в тени достигала $+70^\circ$. Истощенные, голодные профессора стали умирать. Правительство приняло решение переправить коллектив Московского университета из Ашхабада в Свердлов-

ловск, куда мы и прибыли зимой 1943 г. На остановках университетского эшелона на платформу вокзалов, которые мы проезжали, выходили студенты, часто они пели злободневные песни (на мотив “Любимый город может спать спокойно” о будущем, которое всех ожидает в Москве):

К Москве далёкой мысли улетают,
И Моховая снится нам не раз.
Своя квартира в помыслах витает,
А с нею газ, водопровод и унитаз.

Свердловск встретил холодной, неприветливой погодой. В распоряжение МГУ были предоставлены аудитории лучшего учебного заведения Свердловска — Уральского политехнического института (УПИ). Поселили преподавателей и студентов в находящихся поблизости зданиях общежития УПИ. Вот тут все почувствовали, что такое настоящий голод. В магазинах ничего нет. Все продается строго по карточкам. Нам были выданы талоны на обед, по которым мы получали жидкий суп, кусочек какого-то землистого хлеба и кашу-шрапнель. Но все-таки жить было можно. Нашей семье особенно было тяжело, когда у меня в столовой украли присланную братом с фронта трофейную кожаную полевую сумку, в которой находились продовольственные карточки всей семьи. Это была настоящая катастрофа. По-видимому, как-то помогли пережить этот месяц друзья отца. Помню только, что постоянно безумно хотелось есть. На рынке, который был расположен неподалеку от оз. Шарташ, цены были заоблачными. Когда после папиной полочки мы ходили на этот рынок, то могли на всю его зарплату купить только рюкзак картошки. Купленную за такую дорогую цену картошку мама использовала на все 100% — из кожеры она делала казавшиеся вкуснее пирожных оладьи. Это был деликатес. Когда пришла весна 1943 г. и появилась молодая крапива, мы стали варить их нее “витаминный” суп, это тоже немного облегчало жизнь. Со школой мы ходили всем классом в лес за иголками елок, из которых делали отвар и пили его вместо чая. Большую часть иголок сдавали в школе для фронта. В общем, как-то пережили зиму и весну, а уже в мае стали поговаривать о скором возвращении в Москву, где ждали свои проблемы. Но все же в Москве был дом, а в дом всегда тянет, о доме всегда мечтают.

И действительно, после побед наших войск под Сталинградом и на Курской дуге преподаватели и студенты воспряли духом и с нетерпением ждали возвращения в Москву, которое состоялось, насколько я помню, в августе 1943 г. А уже в сентябре—октябре студенты сели за парты в родном Университете, а я пошел в 7-й класс 59-й средней мужской школы, расположенной в одном из арбатских переулков.

А 12 августа 1944 г., через год после возвращения из эвакуации, мой отец, работая проректором по науке, внезапно заболел и умер от общего сепсиса. Его организм был так ослаблен непосильно тяжелой работой по организации в условиях эвакуации учебного и научного процессов, часто в мало приспособленных для этого местах, что находившаяся в обрубке его ноги латентная форма *Clostridium perfringens* стала активно размножаться, что и привело к страшному финалу. А врачи ничего не могли понять, лечили его от брюшного тифа. Организм не выдержал, и он ушел от нас, когда ему еще не было 48 лет.

Я был потрясен и как-то не понимал до конца воистину подвига моего отца. Однако преподаватели Университета это отчетливо понимали и пришли отдать ему последние почести в здание Зоомузея на улице Герцена (ныне Большая Никитская). Очередь людей, хотевших с ним проститься, началась у памятника Тимирязеву у Никитских ворот, она не кончалась в течение полутора дней. Как я выяснил позже, он буквально каждому сотруднику Университета и многим студентам сделал во время эвакуации что-то доброе, и люди хотели проститься с ним по-человечески. Брат в это время после двух тяжелых ранений на фронте учился в Военно-морской медицинской академии в Ленинграде. Мама преподавала и в школе и в Университете немецкий и русский языки, причем с раннего утра до позднего вечера ее не было дома, и все хозяйственные дела свалились на меня. Мы жили в деревянном доме во дворе театра Вахтангова. Мне, мальчишке 13 лет, приходилось стоять ночью в очереди за дровами (у Киевского вокзала), привозить их тем или иным путем домой и пилить в одиночку двуручной пилой (хотя это было довольно трудно и неудобно), но я как-то принаравливался и напильник и накалывал 4 кубометра дров, складывая их в сарай во дворе. Хватало на год. Самому приходилось готовить горячую пищу и убирать квартиру. Мама приходила поздно, совершенно обессиленная. Зато мне после такого детства любая работа была нипочем. А сколько часов приходилось стоять в очереди для получения продуктов по карточкам! Но все же времени как-то хватало и на подготовку уроков в школе, и на ночные очереди за билетами в Художественный и Малый театры, в консерваторию. Жизнь была бурная, тяжелая, но интересная, война приучила ко многому, что кажется с первого взгляда невозможным трудным. А оказалось — все возможно.

Одно из самых главных чувств, которое возникло во время эвакуации МГУ, — это святое благоговение перед этим замечательным учебным заведением, в котором работали такие энтузиасты, я бы сказал герои, какими были и мой отец и многие представители профессуры и преподавателей, с которыми мне посчастливилось познакомиться.